

Граница поселения в устных рассказах жителей станицы Раздорской

Власкина Т.Ю.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Планировка станицы Раздорской принадлежит к уличному типу: несколько длинных улиц вытянуты вдоль берега реки и повторяют изгибы пересечённого рельефа местности. Очевидна зависимость расположения многочисленных переулков (кутков[1]) от сложной сети балок и родников. Поздний по своему происхождению уличный тип поселения, вероятно, возник на месте более древнего селения, поскольку визуально на склонах холмов фиксируются элементы беспорядочной и рядовой планировки. Это подтверждается и выявлением на территории станицы культурного слоя, датируемого XVII–XVIII вв. К сожалению, более точные границы и хронология культурных слоев, связанных с казачеством в современной ст. Раздорской и её окрестностях (за исключением поселения на острове Поречном), на сегодня не определены. Богатая событиями история станицы отразилась в многочисленных топонимических легендах, бытующих среди местных жителей. Среди них – объяснение происхождения таких топонимов, как Алёнкин Брод, Сониная Коса, Ермаков лес, Гавань Петра Первого.

«...А там от, за станицей. Я помню, мы да вайны бегали туда. Там дубы стояли, деревья фсякии были. Ермаков лес назывался. А пащиму? Ермак, шо ли приставал там. Плыл аттудава, с Волги, плыл вроди бы, и приставал. <...> От у нас тут на углу, называица угал... тут Пётр Первый приставал – гавань называлася, "гавань Петра Первава". Ну, там типерь иё пискком занисло» (Скоробогатова А.П.).

«... Питрова гавань пачиму? Ну, што он шол с кораблями своими, гаварять астанавливалася, гаварять, шо закапал он на острави клат, но иво да сих пор ни нашли...» (Сухорева Л.В.).

«... Ну, я тибе вот так... как я слышала, так я тибе расскажу, дедушка так рассказвал, што када первый рас Ермак сюда подъехал, када уже казаки сюда пиришли, ужы туркаф выгнали. Ну чё? Станица-та тут жы тока строилася, Бас(з)ки-та. А от там (на острове. – Т.В.) лисок был, ну, ищё то-олька дубчки. Вот они поехали там накапали дубов и тут насадили лес эдат и так и назвали иво "Ермаков", патаму што он фсигда собирал там свой стан в эдам лиску, фсигда он там собирал свой стан, ну, казачиства, и работал с ними. И дела ф том, рассказ такой был, што кагда он пирит смерть уже праишжал Раздоры и тожы на стану был, и ему так было плохо, што он ришил сваи даспехи – залатыи даспехи у ниво были, та эдат, щит, – он закапал тут, на бугре. Как рас на Шкадином бугре, выше-то нашива дома, где наш дом был кагда-та. Там бугорчик так он и стаит, я тибе иво пакажу. Но! Знал адин дедушка, но он уже умир, уже сто двацать лет ему была. При мне он умир, эдат дет. «Напротив зтава бугра, тут золото закапал грит, эдат, сваи даспехи...» И так и паехали тада ани на Азофскае моря и там жы апять турки-та подъехали, и вот ани жы опять паехали туда... (А вот этот лес говорят, что он священный?) Ну, как жы ни священный, када там фсида малебны служили, как жы так? (А когда там молебны служили, в какие сроки?) Дак вот как приишжаить он, так там малебин, покамест он уедит. (Ермак?) – Да» (Богучарская Е.Я.).

С названиями Алёнкин Брод и Сониная Коса связаны истории о девушках, бежавших из турецкого плена. Несколько текстов, зафиксированных в крайне редуцированном состоянии, имеют одну общую деталь: для того, чтобы уйти от вражеской погони, девушкам приходится переплывать Дон: «... Алёнкин Брод? Эта за Донам. Там утопла девушка, девушка, вот иё и называли так – Алёнка. Ана на Сусати жыла, ат татар ухадила и шла у станицу» (Смыкова Н.Д.). «Эта деушка, Соня, ана у плину была у семи братьев Каракоровых. Нито нагаи ани были, нито разбойники. Хотели ани... штоп жить с ней. И стала анна убигать и утопла, так нам объясняли. Соня, девачка была и утопла, назвали (это место. – Т.В.) "Сонькина каса"» (Чайка А.С.).

Показывая одну из заросших «диким садом» балок на границе ст. Раздорской и х. Пухляковского, местные жители рассказывают о явлении здесь, в ветвях шелковицы, образа Божьей матери. Такие видения старожилы описывают как предвестие будущих бедствий: «... А уют эта была у сороковом гаду или трицать

дивят. А патом война началась. Немцы напали. И вот ана вот так являлась, и ветачка ни шылахнулася, и вот как ищезла, и большы ни паявлялася». (Колодяжная П.А.).

Сохранение актуальности мифологического осмысления окружающего пространства среди населения, вероятно, подпитывается проводимыми в самой станице и окрестностях археологическими и краеведческими исследованиями. В то же время нельзя не отметить традиционный характер пространственных представлений, нашедших отражение не только в этих легендах, но и в ритуальной практике. По многочисленным свидетельствам старожилов, Ермаков лес до 50-х гг. XX в. был священным местом. В этот лес приходили женщины и молодёжь на Троицу, там же совершалась и общественная панихида.

«Как от Троица в июни месяцы, бегали, там эты ветки ламали, да прибигаим к дому, да чибурку панарвём, панасыпим у хати то па палам, то на сталы. Ветак наламаим, там эта... "троицкий лес" был: натыкаим у забор, у хату – визде: на хати па-панатыкаим... фсякии там деревья были. (Так этот лес – он тоже делёный был, чей-то или общественный?) Апществиный. А поели вырубилы на држава, да и фсё. (А прежде можно было там рубить на дрова?) Тада не разрешали, а уш патом... (А венки на Троицу бросали в речку?) Брасали. Ну, мне ни прихадилася, а пастаршы нас так делали. Плили там с фсиво. Какая-та трава там растёт, есь ана и па балкам растёт, как от, знаишь, ёлащкай ана растёт. Рвали ходили иё, да цвитошки тада жы были фсякии, панатыкають. И угадывали жы: если он (венок. – Т.В.) пльвёт – знащица жы жыних найдёца шо ли, а если патанул – значить... Песни жы пають...» (Скоробогатова А.П.).

«(Там, где «Ермаков лес» был, сейчас остались дубы или ничего не осталось?) Да почему не осталось? Куда они денутся? Так, думаишь, разрешили им фсё вырубать, што ли? Как дали дрозда, што... Вербы вон вырубайте!.. А потом... ну, кода праздник, када Троица у нас, тада дифчата выходили туда, к Ермаковому лесу абизатильна. Там такии цвиты были! И вот туда тада дифчата на праздник пряма с церкви... нет: до церкви ишли, и молились там Богу, и пели песни и эти... вязали, винки визали. И вот, панавяжут винков, идуть у церкафь. (Из цветов или дубовые венки?) Нет, ну, дубовыи-та листья так ани ш красивые, листья-та фплитали жы туда. И вот аттуда, када с церкви приходили с этими виночками и брасали жы их аттуда жы, с бугра. Он жы стоит на бугре, лес-та этат, пряма на бугре же. И брасали жы туда, и рибята ш плавали: чей виночик папал – таво и невеста. Чей виночик попался иму – таво и невеста. Эта я ищё помню, ищё и я ходила жы туда, вязали мы. <...> Вот как зайдёшь за станицу, ну где-та, ну метраф пятьсот пройдёшь и начинаица Ермакоф лес. Ну, щас жы иво там вырубилы, там жы ничё там нету, так балка, как рас пирит балкай эта... (А от места, где копали (поселение Раздорское-1. – Т.В.) далеко?) Нет. Как рас на этам месты, от эта ш Ермаков лес. Пряма над раскопками. (А какие песни пели?) Нуда: "Пльви, пльви, веночек мой, и кто поймает, тот дарагой мой..." Ну, я жы уш ни помню: <...> "Пльви, пльви, веночек мой, хватай, хватай, дарагой мой..." И вот, хто жы ухватить, тот жы иё и сужыный. (А что-то брали с собой из продуктов?) А как жы! Ну харчи жы... приходють домой, харчей набирають жы. Ну абизатильна, када эта фсё прапають, када эта фсё сделают, рибята паплавають и садяца, начинаица и исть. (Все вместе и ребята и девчата?) Да, канешна, а как же, и дефчата и ребята...» (Богучарская Е.Я.).

Обычай завивания венков на Троицу бытовал не только в самой Раздорской, но и в окрестных хуторах. Местом проведения Троицкого ритуала близ хутора Каныгина также была дубовая роща:

«(Вы тоже ходили в Ермаков лес на Троицу?) У нас свае были у Каныгини. Ат клатбища была такая дорога, там лес. Там фсида вили винки. Там цвиты фсида расли фсякии. Пабигим, нарвём, придём, павяжым, и фсё. (А какие деревья там росли?) Больши – дубы, блин, ну и вяз, и фсё... С абеда шли, поели службы, а патом вечирам кидали винки. (В Дон?) В Данец. У нас Данец у Каныгини. А раздорскии... Мы приходим вечирам кидать, а раздорскии пльвуть вышы па тичению. (И что, ловили венки?) Ага, парни... Эта раньши, бывала, рассказвали: фсе винки палыли, а мой патанул – значить мужа убьют. (Так что, и замужние женщины бросали?) А как же? И замужние, и девочки – фсе. Только женщины, мушны нет. Бросють, пастаять... Па-аплыли они фсе... И дамой. (Песни не пели?) Пели, как же. В молчанку што ль? Пели. (А парни, мужчины, что делали?) Их там ни было! Па улицы стаяли, а так их там ни было» (Бурьянова А.И.).

«... Деуки на краю станицы плели венки и брасали в Дон. Пели песню:

"Будити падрушки у сат иттить винки вить./ Свейти и для миня винок./ Будити винки брасать, бросьти и мой./ Фсе-та винки фплынь пашли./ А мой патанул./ Фсе-та друшки дамой пришли с падарачками./ А мой хоть бы так пришол"...» (Лазарева М.Г.).

Берега рек Дон и Донец, выступавшие в качестве ближнего и дальнего (соответственно) рубежей станицы, играли существенную роль в магических мероприятиях лечебного и профилактического характера.

Так, особого рода заболевание, являющееся следствием вредоносного воздействия, – тоску – жители Раздор лечили на пересечении временной и территориальной границы: «Да замужыства был случай, лет ф шыснацьць. Сасет хотел выдать миня за сваиво сына Данила, а я ни схатела. Тада дет этат (сосед. – Т.В.) навёл порчу: новым веникам абмёл. И таска задавила. Ничиво ни памагала. Врач паслал г бапки. Бапка сказала: "Прихадити ночьюю, да питухоф". С аццом пашли. Бапка привила на Данец. Сели на присятках, бапка воду зачирпнёт и – на миня, зачирпнёт и – на миня. Так шесть зорь...» (Запорожцева Е.П.) Опасность «потустороннего» заречного пространства проявлялась «летучей» болезнью огник, которую пересылали по воде на огонь: «Када младениц у доми, нильзя штоп агонь гарел. Окна завешивали ат Дону, штоп ни случилась балесь вогник. Огник личили на первый агонь утриней и вичерней зари: "Огник, огник над водой"..."» (Кожанова М.С.).

Описанный материал свидетельствует о сохранявшейся до недавнего времени у жителей ст. Раздорской и окрестных хуторов традиции членения пространства на «освоенное» и «неосвоенное» человеком. В категорию «освоенного» закономерно входит вся площадь поселения. На границе внешнего пространства расположены сакральные места, где происходит как ритуализированное, так и спонтанное общение с иным миром: угадывание будущего по тому, что случится с венком, поминовение усопших во время общественных панихид, чудесные видения, лечение болезней. Значимыми обрядовыми и символическими элементами разграничения пространства являются реки Дон и Донец, группы шелковичных и дубовых деревьев. В топонимических преданиях находит отражение концепция оказачивания территории, определяются мифологические роли предшественников казаков (по существу – первопредков, хозяев осваиваемой земли) – татар и ногайцев, культурных героев – Ермака, Петра Первого, усилиями которых станица приобрела своё неповторимое своеобразие.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

[1] В работе использованы полевые материалы автора, записанные в ст. Раздорской в 1994, 2001 гг. Курсивом в тексте даны прямые цитаты речи информантов в орфографии с элементами диалектной транскрипции.